
я помирать не собираюсь
хазарам мстить не собираюсь
они конечно же заразы
но слишком вымерли давно

пусть в небесах неповторимых
огромное, почти живое,
великолепное светило
калёным оловом горит

течёт расплавленную медью
и камедью, да и комедьей,
да и трагедией пожалуй,
пародиею и т.д.

передо мною книга жизни
раскрыта ближе к эпилогу
давненько я её листаю
с хрустальной стопочкой в руке

она расхристанная книга
неоцифрованная вовсе
она в воловьем переплётё
или дубовом может быть

Будь я чистая публика, не пил бы пустую воду,
исключительно водку да перекись водорода,
не знал бы ни зависти, ни тоски.

Чернь называла б меня «благородие»,
подавая на блюдах из чистого родия
соловьинные язычки.

Будь я нищ и бездомен, не хуже любого
укрывался б ветошью в бочке дубовой,
по ночам занимался бы ловлей блох,
а утрами работал бы над трактатом,
объяснял бы людям про любовь и атом,
как какой-нибудь Архилох.

Пусть тунеядствует знать, пусть философы точат ляды.
Хорошо, что Господь отнёс меня к среднему классу,
умеющему радоваться и не рыдать.
Дерну перцовочки, обниму Наталью.
В сентябре непременно слетаем в Анталью.
Экая благодать!

по дому бродит, словно тать,
роняя слёзы,
кто разучился сочинять
стихи ли, прозу

что, неразумный индивид,
глядишь угрюмо?

довел тебя подлец-ковид?
любовь по зуму?

но мы ещё не сдохли, нет,
не проиграли
на свалку выкини планшет,
побудь в реале

жизнь, звёздный мельник здешних мест,
минует быстро,
да и молчание не крест
для дзен-буддиста

а я, мечтательный вассал,
рожден в сорочке
поскольку лично написал
все эти строчки

Когда б я только был змея,
то знал бы счастье в грешном мире,
и извивался бы, друзья,
перемещаясь по квартире.

А был бы юный бурундук -
писал бы песнь под хруст трамвая,
любви хронический недуг,
как в первый раз, переживая.

Мечты, мечты где ваша сла?
Где страсть, которая кипела?
Должно быть, Волга унесла,
Людмила Зыкина напела.

Есть ген кончины в ДНК,
но всё равно в облаве хрупкой

гадюка съест бурундука,
а сыч поужинает голубкой.

Зане смиряемся и мы
среди густоволосых пиний,
и доживаем до зимы,
где чистый снег и первый иней.

Когда легковерен и молод я был,
Любил оттянуться я всласть
И гречку младую ужасно любил,
Почти как советскую власть

Ах, как же мне, братцы, минувшего жаль!
Печалуюсь, кушая суп,
Гляжу как безумный на чёрную шаль,
Совсем безволос и беззуб.

И кто там пломбир на морозе лизал,
Кто тайно неверную деву лобзал
В её кружевном неглиже -
Пожалуй, неважно уже.

не скучай человеке великая жизнь сама
утешая меня тихо на ухо говорит
наступает вечер а значит скоро сгустится тьма
ни к чему уже изучать астрономию и санскрит

ни к чему ложиться на фетовский сеновал
над которым вьётся галактика шерстяная нить
потому что не пел а разве что напевал
и не жил, как все а только пытался жить

золотые ночи твои как медные дни звенят
но не об этом я (шепчет) а совсем о другом
не скучай опомнись и оглянись назад
чтобы в мирской пустыне застыть

СОЛЯНЫМ СТОЛПОМ

Нравоучительное №11

Коля, в отличие от Оли,
Прескверно учился в школе,
Тройки получал по грамматике,
Биологии и математике.

Коля пишет кота через ять,
Крестика не отличает от нолика,
Ходит в маске, чтобы людей не пугать
Жалкой мордой курильщика и алкоголика.

А красотка Оля – всегда ни в одном глазу!
Пишет жалобы в суд без единой ошибки.
И завидует Коля, роняя слезу:
«Что за счастье досталось этой паршивке!»

Нравоучительное №8

Известно всем, что любит Таня
Грибы тушёные в сметане.
Они – отрада для души,
Да и под водку хороши.

А у Петра ума немного –
Он обожает осьминога.
Пред ним на блюде гад морской
Исходит смертной тоской.

Но твердо корешу скажу я:
Не порти, Петя, жизнь чужую!
А стань, как Таня и как я,
Поганку бледную жуя!

Нравоучительное №6

Друзья мои! Среди американцев
Не так уж много вегетарианцев.
Вольно же им громить мясные лавки,
И в сердце родины вонзать свои булавки!

О веган! Ты умом подобен гномику!
Зачем ты подрываешь экономику?
Тебя бы звездануть об стенку лбом,
Чтоб подавился соевым бобом!

Не то, что стал он неживой,
но опустившийся и серый.
Брусчатка поросла травой,
витрины – бедною фанерой

забиты. С мартовских календ
исходит город полым эхом,
и жизнерадостный студент
давно в провинцию уехал.

Ах, на миру и смерть красна,
мы в книге бытия читаем,
но что же делать нам, жена,
когда он стал необитаем?

И там, где град стоял и храм,
рыдает жрица молодая

почти вслепую по ночам
в смешном наморднике блуждая.

Когда маячит старость за ближними холмами –
кострище тихо тлеет, ослабевают слух.
Когда болеет время - помалкивают музы.
Хлопочут по хозяйству, охотятся на мух.

Прощайте, неба своды, где звёздочки мерцают.
И хладные кометы покрыты тощим льдом.
Глухой король природы без толку созерцает
То присмиривший город, то обедневший дом.

Что ж! был и ты учёный – алхимик да филолог.
Носил по воскресеньям серебряный веноч,
а что тебе осенним осталось утром, олух –
спокойный ворон чёрный, да чёрный воронок.

Скушно мы стали жить. Всякий с чумою свыкся.
Отчего же мне снится, как в полноводном Стиксе
тёмным омутом проплывает огромный сом,
буро-зелен, величествен, невесом?

Вряд ли известно ему, что такое нервы.
Важный такой, усатый, как ветеран первой
мировой войны, под корягою до весны
зимовал мой далекий родственник, тоже видел
странные сны

о чужих вещах (пламя, звезда, драгоценный камень).
Пробудился под утро и вот плывёт, шевеля плавниками,
осторожно осматриваясь – но безопасна эта река:
на две тысячи вёрст ни парохода, ни рыбака.